ЕЛЕНА ГОВОР

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Мы продолжаем публикацию перевода глав из книги Елены Говор My Dark Brother. (Начало N 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15)

Мой темнокожий брат

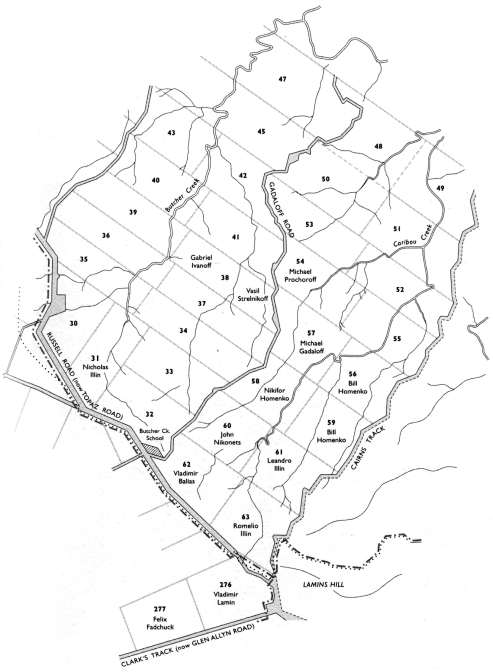
Маленькая Сибирь на плато Атертон

В 1940 году, когда во время второй мировой войны Австралия была охвачена шпионофобией и многие эмигранты оказались под подозрением, власти Атертона — маленького поселка, затерянного среди тропического леса северного Квинсленда — обнаружили своего собственного «шпиона». Им сочли Никифора Хоменко, русского поселенца из лесов Гадгарры, который, будучи не натурализовавшимся иностранцем, не зарегистрировался в полиции, как требовали того условия военного времени. Хоменко тут же привлекли к суду. На судебном процессе он заявил, что живет в Гадгарре уже 25 лет и полагал, что был натурализован много лет назад. Суд проявил «великодушие», благодаря чему один из пионеров Гадгарры не был посажен в тюрьму как шпион, а лишь оштрафован на крупную сумму. Хорошо еще, что атертонские детективы не копнули глубже, так как в начале 1920–х годов в донесениях секретной полиции Хоменко фигурировал в качестве представителя некоей полумифической «Секретной Семерки», которую власти считали «самой тайной, активной и опасной» просоветской группой в Австралии. После суда Хоменко подал новое заявление на натурализацию и местный полицейский, который занялся сбором сведений о нем, обнаружил, что хотя Хоменко и живет в Австралии с 1913 года, он «может читать только большие печатные буквы и едва говорит по–английски». Объясняя начальству, как же этот русский смог прожить в стране 27 лет без языка, полицейский писал, что Хоменко «жил в местности, где проживали другие русские, и поэтому он обходился преимущественно русским языком». Прожить столько лет в Австралии, не нуждаясь в английском, можно было действительно лишь в достаточно большой русской общине. В июле 1996 г., собирая сведения об этой русской колонии, я встретилась с Биллом Хоменко, сыном Никифора, на его ферме на дороге Гадалова, в самом сердце Гадгарры. «Мы так и называли эти места — Маленькая Сибирь», сказал Билл, вспоминая о тех далеких годах.[1]

Но даже Билл не помнил, что основателями Маленькой Сибири была семья Ильиных. Николай Дмитриевич Ильин, живя в Патагонии, узнал о «справедливости австралийских властей» и решил переехать с семьей в Австралию. Его захватила идея основать здесь русскую колонию. Казалось, демократическая Австралия идеально подходила для этого. Приехав в Австралию в сентябре 1910 года, как раз в то время, когда началась массовая русская эмиграция в Австралию, Ильины на неделю остановились в Брисбене, Николай познакомился с рядом иммигрантов и обсудил с ними планы основания русской колонии на тропическом севере Квинсленда, где он сам намеревался поселиться. В частности, он пригласил в

[1] National Archives of Australia (NAA): A659/1, 1940/1/7443, Homenko, N. P. — Naturalization; NAA: A6122/40, 111, Summary of Communism, vol. 1, pp. 133, 138; Интервью с Биллом Хоменко (Tape 5B220).

Русские участки в Маленькой Сибири.



проектируемую колонию Михаила Гадалова, который приехал в Австралию незадолго до Ильиных. Добравшись до Атертона и взяв три участка земли (31, 61 и 63), покрытых «дремучим, вековым» тропическим лесом, Николай стал приглашать сюда других русских. Шесть месяцев спустя, 15 марта 1911 г., он писал: «Я сделал все, что мог, чтобы привлечь моих соотечественников поселиться по соседству со мной, и в результате 11 участков земли в Гадгарре уже заняты русскими». План колонии, очевидно, имел успех, так как в июле того же года Михаил Гадалов, который тоже взял там участок, писал в письме в сибирскую газету, сравнивая две русские колонии: в Вэлламбилла около Рома «поселилась публика попроще, в том же месте, где взял я, — несколько поинтеллигентнее. Например, на последних днях взяли три участка по 160 акров восемь молодых людей, некоторые из них — невольные граждане Австралии».[2] «Невольные граждане» — это был эвфемизм для обозначения политэмигрантов, бежавших из России в Австралию. Некоторые из соседей Ильиных оставались в Гадгарре недолго и вскоре бросали участки, так и не приступив к раскорчевке леса, некоторые начинали работы, но не выдерживали изнуряющей борьбы с тропическим «скрэбом» — так в этих местах называли непроходимый лес — и переселялись в более благоприятные районы. Выстояла лишь горстка самых крепких.

Среди них была семья Гадаловых. Михаил Васильевич Гадалов (1883–1972) родился под Красноярском на берегах Енисея и происходил из известной купеческой семьи сибирских золотопромышленников и меценатов. Он приехал в Австралию в 1909 г. с женой Феодосией (ур. Бобровой) и тремя маленькими детьми — падчерицей Ольгой и сыновьями Валерианом и Евгением. Самым ценным сокровищем в его скромном багаже была пачка фотографий его друзей — открытые серьезные интеллигентные лица, или это время делает их такими? — портрет Веры Засулич и письмо 1901 г. от его первого учителя, политического ссыльного Константина Ефименко: «береги же, друг мой, честь, береги свое человеческое достоинство с особенным усердием, не развивай у себя жадности к наживе, будь доволен тем, что ты заработаешь; от трудов своих праведных помогай бедному в нужде человеку по силе возможности и делай это без всякого разбора в вероисповеданиях, будь то еврей, татарин или русский». Михаил оставил в России хорошую работу продавца и бухгалтера, пожертвовал возможными блестящими перспективами в семейных предприятиях, отказался от удобной жизни во Владивостоке — «мы жили там в хорошем доме, расположенном на склоне холма, и оттуда открывалась прекрасная панорама — гавань и бухта Золотой Рог полная кораблей. Мы с женой каждую неделю ходили в театр, там был отличный театр, один сезон была хорошая опера, шли пьесы из современной русской жизни». Важнее всех этих удобств для него, как и для десятков его друзей, было осуществить на практике простые заветы его учителя. Разбуженный первой русской революцией, он занялся организацией рабочих в профсоюзы, был ненадолго арестован и находился под полицейским надзором. Обстановка была столь напряженной, что не оставалось другого выхода, как бежать из России.

Приехав в Австралию, Михаил работал на строительстве железных дорог и на лесопилке, живя в палатке и питаясь сушеным мясом, в то время как Феодосия с детьми оставалась в Брисбене. Она стала брать на дом заказы с фабрики на шитье мужской одежды, но ее заработка едва хватало на содержание семьи. Однако, несмотря на все эти трудности они были полны оптимизма: «Никто из нас не думает, что мы поехали напрасно (не говоря уже про ребят, которые начали плакать, когда им в шутку предложили ехать обратно в Россию), не надо дрожать за завтрашний день и, наконец, за свою свободу», — писал Гадалов в газету «Далекая окраина» в 1911 г.

В 1912 г. Гадаловы поселились в Гадгарре на участке 57, который находился глубоко в джунглях. Дорога к их участку была проложена по тропе аборигенов, которая вилась по гребню холмов, разделяющих истоки речек Бутчер Крик и Карибу Крик. Гадаловы стали первыми постоянными поселенцами на этой дороге и вскоре она получила название «дорога Гадалова». Большой очерк–письмо Михаила о его австралийских впечатлениях, опубликованный в «Далекой окраине», привлек внимание не только потенциальных русских эмигрантов, но и Квинслендского бюро информации и туризма. Оно перевело на английский наиболее оптимистичные отрывки из письма (оставив без внимания всю его критическую часть) и стало из года в год перепечатывать их в своих рекламных брошюрах для залучения иммигрантов. А Михаил в это время начал свою борьбу со скрэбом. Из 169

[2] Н. Ильин, Письма из Австралии. — Новое время, 14 авг. 1913; Queensland State Archives (QSA): LAN/DF 89, Atherton 1545; М. Гадалов, Русские эмигранты в Австралии. — Далекая окраина, 21 авг. 1911 (Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность А. Я. Массову и Г. И. Каневской за выписки из русских газет).

акров 125 срубил он сам. Феодосия рядом с ним безропотно несла свою долю. Условия жизни для женщины, на руках у которой было трое детей, были очень трудными. В 1913 г. у нее родился четвертый ребенок — сын Джордж — и вскоре умер. Их первым домом была палатка, затем сарай из гофрированного железа и только потом настоящий дом, сложенный из бревен. На участке земли, отвоеванном у джунглей, сеяли траву и пасли коров. Дважды в день из года в год она доила растущее стадо, перетаскивая в своих руках тонны молока. Но тяжелее всего было одиночество. Феодосия так и не научилась говорить по–английски, и соседи вспоминали, как, бывало, она сидела одна в доме и тихо плакала. Она умерла в 1922 г., будучи одной их первых русских, похороненных в этом краю.

Брат Михаила Василий Васильевич Гадалов с семьей, 1916 г. Красноярск (из семейного альбома М.В. Гадалова).

В 1926 г. Михаил Гадалов съездил в Россию, женился и привез на ферму свою новую жену, Бетти. Здесь у них родилось двое сыновей, Игорь и Росс. Их ферма «Золотое дно» не принесла им большого состояния, но все–таки была одной из лучших ферм в районе. Это позволило и старшим, и младшим детям Михаила Гадалова получить хорошее образование и передать тягу к знаниям следующему поколению; большинство их детей и внуков имеют теперь университетские степени. Михаил продал ферму в середине 1940–х годов и переехал к Брисбен. Его потомки стали австралийцами, но один из его внуков, Пол, выучил русский язык в Университете Квинсленда и побывал в России. Петр, другой его внук, живущий на Золотом Берегу, заканчивая интервью со мной, сказал: «Мой дед происходил их рода золотопромышленников, а мой сын стал геологом и работает на золотых приисках в Калгурли, колесо прошло полный круг».[3]

Семья Хоменко в 1915 г. поселилась на участке 58, по соседству с Гадаловыми. Никифор Петрович Хоменко (р. 1884) и его жена Вера (ур. Хныкова) родились в маленьком белорусском городке Черикове. Никифор, сварщик по профессии, ремонтировал суда. Сначала они переехали на Дальний Восток, затем, в 1913 г., отправились с волной эмигрантов в Австралию. Старший сын Никифора Билл (Василий) Хоменко рассказывает: «Я родился во Владивостоке в 1913 г. и был еще совсем маленьким, когда родители на корабле поплыли в Австралию. Приехали в Дарвин, но маме место не понравилось, она жаловалась, что солнце стоит прямо над головой, слишком жарко. И тогда они

[3] Гадалов, Русские эмигранты в Австралии; [M. Gadaloff], 'We do not repent having left our native land', in: Terse Information about Queensland. Queries and Replies, Brisbane, 1915, pp. 54–55; NAA: Al, 1926/11686, Gadaloff, M. — Naturalization certificate; QSA: LAN/DF 100, Atherton 1669; М. Гадалов, «Воспоминания» — Peter Gadaloff's archives; фотографии — Kathleen Gadaloff's archives; интервью с Петром и Игорем Гадаловыми.

отправились в Кэрнс. А потом переезжали с места на место, туда, где отцу удавалось найти работу. И вот, когда отец работал на строительстве железной дороги между Маландой и Тарзали, кто–то ему и говорит: «Почему бы тебе не взять участок земли, а то ты работаешь то здесь, то там, а ведь у тебя семья». Тогда он и взял эту землю. В те годы можно было взять участок и, если он тебе понравится, заплатить небольшой взнос, и его записывали в книге за тобой. Это был сплошной скрэб. Мы поселились здесь в 1915 г. и были второй семьей на дороге Гадалова. Я помню, как отец начал вырубать скрэб вот у этого небольшого крика, и мы с братом спускались к крику играть в прятки, а родители все беспокоились, что мы свалимся в него и утонем. Отец вырубал участок леса, сжигал его и засевал травой, а потом мы купили коров, вначале штук 6–8, и начали их доить. Со всего молока собирали небольшой бидончик сливок и везли сначала по дороге Гадалова, мимо школы в Бутчерс Крик, потом по дороге Рассела в самую Маланду». Этот бидончик сливок, добытых с таким трудом, долгие годы был для семьи Хоменко, как и для многих их соседей, основным источником дохода. Но они выстояли. Их второй сын Джон родился в 1914 г., а в 1921 г. они удочерили девочку Мери. Когда сыновья подросли, они стали возчиками, занимались вывозом деревьев с вырубок. Впоследствии они купили участки 57 и 59, еще дальше расширив границы «Маленькой Сибири».[4]

Семья Прохоровых поселилась с другой стороны от Гадаловых (участок 54) в начале 1916 г. Михаил Иванович Прохоров, родившийся в 1880 г. в Екатеринославской губ. (станция Дружковка), был рабочим. В двадцать два года он вступил в РСДРП и стал профессиональным революционером, работая в Мариуполе, Балашове, Оренбурге, Ташкенте. В 1910 г. его сослали на вечное поселение

Михаил Васильевич Гадалов

в Енисейскую губернию. Оттуда в 1912 г. он бежал в Австралию с женой Марией Ивановной (ур. Михайловой) и дочерью Клавой (в Австралии она стала известна под именем Лейла). Они приехали в Брисбен в сентябре 1912 г. Михаил несколько лет колесил но Квинсленду — Кэрнс, Гордонвейл, Чиллаго, Таунсвилл, — специализируясь в качестве модельщика отливок и плотника. За время кочевой жизни у них родились еще две дочери, Валентина и Евгения, и к 1916 г. они, наконец, решили осесть на своей земле. Их выбор пал на Гадгарру, очевидно потому, что там уже существовала русская община, включавшая политических эмигрантов.

Вскоре после того, как они поселились на своем участке гористых джунглей, Мария Прохорова родила сына (11 июля 1916 г.). Говорят, что акушеркой при этом была Александра Константиновна Ильина, жена Николая Ильина, и именно в честь нее мальчика назвали Александром. В одном из

[4] Tapes 5B037–5B281; NAA: A659/1, 1940/1/7443, Homenko, N. P. — Naturalization; QSA: LAN/DF 151, Atherton 2615.

очерков о нем рассказывается: «Воспоминания Александра Михайловича о его первых годах жизни коротки и отрывочны — очень тепло, кругом густые леса со множеством ярких птиц и бабочек. Товарищей не было. Четверо детей Прохоровых развлекали друг друга. Любимой их игрой было влезать на тонкое дерево и ждать там, когда другие подрубят его. Деревце падало вместе с сидящим на нем. Очень хорошо запомнился поход за лесными орехами. Самое яркое воспоминание тех лет носит, однако, трагический характер. Шуре было около пяти лет, когда однажды родители вместе со старшими детьми ушли, оставив мальчика дома одного. Родители долго не возвращались. Скучно одному. Маленький Шура решил их встретить. Пошел по лесной дороге и заблудился. Наступила темнота. Мальчик метался по лесу. Растения жгли и царапали. Он путался в лианах. В конце концов устал, сел и всю ночь просидел не шевелясь, прислушиваясь к ночным шорохам леса. А тем временем все жители колонии метались по лесу в поисках ребенка. Нашла его утром старшая сестра Клава. Шура был исцарапан, изранен, обожжен». Лев Толстой полагал, что личность ребенка формируемся в первые пять лет его жизни. Если это так, то именно суровые условия жизни Прохоровых в эти ранние годы способствовали тому, что Александр стал первым уроженцем Австралии, получившим Нобелевскую премию. Впрочем, Австралия делит эту славу с Россией, поскольку в 1923 г. Прохоровы, которые, в отличие от своих русских соседей, не разочаровались в революции, покинули Австралию и вернулись в Россию. В австралийской земле осталась покоиться их старшая дочь, красавица Клава–Лейла, незадолго до отъезда она заболела воспалением легких и умерла. Валя, родившаяся в Австралии, умерла от столбняка вскоре после возвращения в СССР.

Александр Михайлович Прохоров.

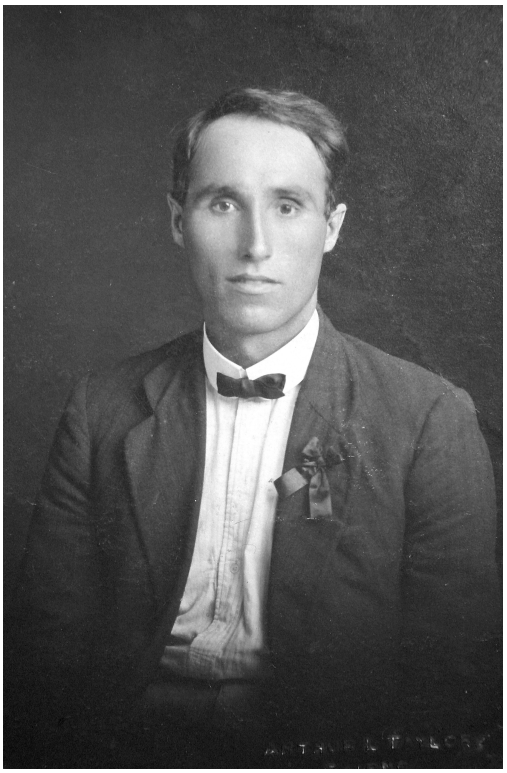
Александр Михайлович Прохоров, после возвращения в Советский Союз, в 1939 г. закончил Ленинградский государственный университет и сделал блестящую научную и административную карьеру в области физики, став одним из основателей квантовой электроники. В 1964 г. он стал Нобелевским лауреатом, в 1966 г. — академиком АН СССР; с 1969 г. он был главным редактором Большой советской энциклопедии. До недавнего времени академик Прохоров оставался загадочной личностью для австралийцев. Профессор Норман Хекенберг из Университета Квинсленда собирал материалы о нем для выставки. Он рассказывает, что в 1996 г., участвуя в международной физической конференции в Санкт–Петербурге, он хотел поговорить с Прохоровым, чтобы убедиться «сохранилось ли еще у него австралийское произношение, но не смог пробиться к нему — важной персоне советского научного истеблишмента».[5]

Через дорогу от Гадаловых находился участок 38 — гористый лес с кратером погасшего вулкана. В июле 1911 г. этот участок взял Гавриил Миронович Иванов (р. 1883), уроженец, как и Николай Ильин, Балашовского уезда Саратовской губернии. Сын крестьян, он окончил Тамбовский учительский институт, увлекся революционной деятельностью, был посажен в тюрьму и сослан пожизненно в Сибирь, Енисейскую губернию, в 1909 г. Вскоре он бежал в Харбин, где некоторое время, живя под вымышленным именем, работал учителем, а потом, в июне 1910 г., отправился в Брисбен. Возможно здесь он встретил Николая Ильина, своего земляка, и решил присоединиться к их колонии в Гадгарре. 1 марта 1911 г. он писал на родину своему другу Павлу Казакову: «я взял участок земли в северном (тропическом) Квинсланде в 160 ак[ров], по 35 шиллингов

[5] NAA: A1, 1915/6639, Michael Prochoroff — Naturalization; QSA: B/561–B/563; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник, М., 1934, с. 520; Прохоров Александр Михайлович (1916–2002) — http://www.biograph.ru/bank/prohorov_am.htm; 'Prokhorov, Aleksandr Mikhailovich', in Great Soviet Encyclopedia, vol. 21, New–York–London, 1978, p. 257; J. Schultz, 'From Queensland with distinction', The Courier–Mail, Brisbane, 12 April 1997.

за акр, с уплатой в 20 лет. Участок покрыт девственным лесом, расположен на 3000 футов над уровнем моря. Земля скребная, то есть состоит из толстого слоя бурого и весьма рыхлого перегноя, считается лучшей во всей стране! Вот брат я и собственник без гроша денег в кармане! Ну, да это меня мало смущает! Деньги надеюсь заработать, а от лопаты надеюсь избавиться. Конечно, этот участок для меня слишком велик, и если кто приедет из вас, то я буду только рад и без всяких разговоров предлагаю к услугам приехавшего и землю и даже свой house т.е. палатку. Да брат, я имею и свой дом, который стоит 20 шиллингов и лопату — орудие производства, я — буржуй!»

Хотя он и не выдержал битвы со скрэбом и в начале 1912 г. бросил свой участок, связи с Маленькой Сибирью он сохранил, работая по соседству на строительстве железных дорог или на сахарных заводах, а затем взял новый участок около Бабинды. Он был активным членом Союза русских рабочих; сообщение о том, что в 1915 г. он агитировал в Кэрнсе против призыва в армию, даже попало в австралийские газеты. Он жил в ожидании революции. 5 июля 1911 он писал Казакову: «Впереди работа и работа, полная захватывающего интереса. Об одном я немного жалею — взял землю и затратил на нее около 300 рублей денег. Ну, да черт с ней и с землей и с деньгами. Земли много и России и деньги можно заработать. Словом, если создастся возможность возвратиться в Россию, я, ни минуты не задумываясь, расстанусь и с землей и с «счастливой Австралией». Что я для нее и что она для меня? Хотя для меня не должно бы быть родины (ведь когда–то я считался членом Партии Социалистов–Революционеров), но язык английский не приставишь вместо русского, в тесное духовное общение сразу не войдешь с населением, которое жило и развивалось при совершенно иных политических и экономических условиях. Волей–неволей приходится обращать свои взоры на тот берег, откуда приехал. Нет ничего хуже для мыслящего человека, когда его не понимают окружающие, когда он ежеминутно живет с мыслью, что благодаря незнанию языка окружающие считают его ниже себя, некультурным, полудикарем, хотя бы эти окружающие в действительности стояли и ниже его во всех отношениях».



Гавриил Миронович Иванов.

В 1917 г., после февральской революции, он одним из первых поспешил вернуться на «свою родину, которую он не мог забыть». В заявлении на паспорт он писал, что должен отправиться в Россию, чтобы «позаботиться о своих престарелых родителях и послужить своей стране в годину испытаний». Иванов покинул Австралию в мае 1917 г. с десятками других русских политэмигрантов, отправлявшихся на Дальний Восток, возращение которых оплатило Временное правительство. Ему не долго пришлось ждать, чтобы оказаться захваченным испытаниями революции и гражданской войны. Позже он писал, что хоть и остался жив, но потерял в этих передрягах все документы, включая и австралийский паспорт. Только в 1921 г. Гавриил Иванов смог, наконец, послать отчаянный призыв о помощи австралийским властям через своего бывшего соседа Гадалова, который сделал все, что мог, чтобы помочь Иванову вернуться в их «солнечный Квинсленд». В конце концов им удалось убедить австралийские власти выслать Иванову новые документы для въезда в Австралию, но выехать Иванову так и не удалось. В том же 1921 г. он вступил в общество политкаторжан. К заявлению приложено его заявление «Прошу выдать мне одну пару сандалий».

Постепенно жизнь наладилась, Иванов получил назначение на работу на

Северный Кавказ по заготовке хлеба. В 1927 г. он встретился с Гадаловым, когда тот приехал в Россию. В своих воспоминаниях Гадалов писал: «Мы поехали в Ростов–на–Дону, где жил один из моих друзей по Австралии. В Австралию он попал как политический эмигрант. Прежде он был школьным учителем где–то на Волге, принял участие в тюремном протесте, был арестован на пороге Московского университета, где он собирался учиться, и сослан на Дальний Восток, откуда бежал в Австралию. На первых порах он, как и я, работал киркой и лопатой. Он мечтал купить ферму сахарного тростника, но при первых же звуках революции 1917 г. он изменил свои планы и вернулся в Россию, чтобы там заняться строительством новой жизни. В 1926 г. он был в Ростове–на–Дону главой отдела, занимавшегося экспортом пшеницы в Англию». Гавриил Миронов, в отличие от многих русских ре–эмигрантов, не попал под маховик сталинских репрессий. Он заболел туберкулезом и умер в 1930 году.[6]

А русская история участка 38 продолжалась. После того как Иванов покинул его в 1912 г., расчистив 10 акров, участок в течение полутора лет никто не брал и вырубка успела снова зарасти колючим кустарником. Как раз в это время, в 1913 г., в Брисбен приехали Василий и Мария Стрельниковы. Вскоре они оказались в Маленькой Сибири и взяли брошенный участок. Василий Иванович Стрельников (1875–1965), хотя и родился в центральной России, в Лебедяни, много лет работал в Ташкенте — сначала проводником на железной дороге, потом управляющим в гостинице. Коррупция и воровство достигали в тех местах чудовищных размеров. Василий, который, как рассказывает его сын, «очень сочувствовал беднякам и всегда стоял за правду», испытывал глубокое отвращение к окружающей его среде и в конце концов решил эмигрировать в Австралию.

В 1960–х годах Василий написал воспоминания. Рассказывая о первых десяти годах в Гадгарре, он большую часть рассказа посвятил лишь одному эпизоду, который по своей важности, как кажется, перевесил для него все остальные трудности. А их было немало — чего стоила сама тропа к его участку, по которой можно было пробраться лишь верхом на лошади, и заросли непроходимого колючего скрэба, покрывавшего участок, и жизнь в палатке, и строительство дома своими руками, и разрушительный циклон, обрушившийся на эти места в 1918 г. Но эпизод этот, так на него подействовавший, обнаружил предвзятое отношение к нему местных властей. Вскоре после того, как Стрельников начал работать на своем участке, он был арестован в Пирамоне констеблем Сири как преступник, у него взяли отпечатки пальцев, надели наручники и бросили в тюремную камеру. В то время английский язык Стрельников знал очень плохо — «стоило мне взять «Самоучитель», как меня начинало клонить ко сну» — и он никак не мог понять, за что же его арестовали. На суде выяснилось, что полицейский решил, что Стрельников нагрузил слишком много на свою лошадь: груз составлял 45 кг досок для строительства дома, которые тот вез с лесопилки (надо сказать, что другие поселенцы возили на лошадях по 90 кг и никто их не арестовывал). Судебное разбирательство кончилось тем, что Стрельников был оштрафован на один шиллинг, но его возмущал совсем не штраф. Он пишет в воспоминаниях: «Я сказал Сири: «Вы же знаете, что я не совершил никакого преступления. Зачем же Вы запятнали мое имя?» Он улыбнулся и ничего не ответил, и я понял, что он унизил меня просто без всякой причины». Теперь, 85 лет спустя, его сын, Базил Стрельников, подвел итог этой истории: «Они просто хотели проучить его, потому что он был новый переселенец из неанглоязычной страны. Папа так был расстроен из–за поступка Сири, что он хотел бросить все и вернуться на родину. Но в конце концов они подружились. Сири, бывало, так напивался у папы кваса, что едва мог доехать домой на лошади».

Стрельников, как и многие русские иммигранты, был членом Союза русских рабочих в Австралии, но после революции уже никак не был связан с русскими радикалами, которые продолжали будоражить австралийское общество, тем не менее ему пришлось платить по их счетам. Когда в 1915 г. он подал заявление о натурализации, ему было отказано, так как власти решили не натурализовать всех русских, не вступивших в армию. На новое заявление 1918 г. он вновь получил отказ, поскольку к тому времени власти сочли необходимым не предоставлять натурализацию вообще никому из русских, подозревая их всех скопом в радикализме (но и из Австралии их не выпускали). Стрельников оказался в отчаянном положении — ведь ферма все еще не была его собственностью, так как в полную собственность землю могли взять только натурализовавшиеся иммигранты. К тому же его жена Мария в сыром климате Гадгарры заболела ревматизмом,

[6] NAA: A1, 1921/18516, Gabriel Mironovich Ivanoff — Naturalization; QSA: LAN/DF 132, Atherton 2090A; ГАРФ, Ф. 533 оп. 3 ед.хр. 1149 Дело № 529; ДП ОО 1911 д. 12 ч. 69 литера Б. № 10 7116, вх. 10 711; письмо Л.Н. Кошмановой автору (благодарю семью Г.М. Иванова за материалы и фотографии); Гадалов, Воспоминания.

но, не будучи полноправными владельцами своей фермы, в которую они вложили столько труда и денег, они не могли ни продать ее, ни сдать в аренду и переехать в более сухие места, как это делали некоторые из их соседей. Стрельников писал одно за другим обращения к властям, тратил деньги на адвоката, но даже его вмешательство и попытка воззвать к здравому смыслу властей — «мой клиент никак не связан с радикально настроенными русскими, отказ натурализовать его приведет его к полному разорению» — не в силах были изменить австралийскую «демократию» того времени, которая могла поставить вне закона целый народ.

В 1923 г., после восьми лет мытарств, Стрельников, наконец, был натурализован и переехал в Марибу. В 1930 г. он продал ферму, а в 1947 г. писал в письме Гадалову, лежавшему в Брисбенском госпитале: «Эта болезнь у Вас, я думаю, приобретена на ферме от тяжелой работы... Сколько Вы затратили здоровья на ферме, давно бы Вам нужно заняться торговлей. Таким людям как … Хоменко это земной рай на ферме, но Вы деловой человек, Вам не место на ферме». Сам Стрельников, покинув ферму, работал плотником и поваром. Его дети — дочь Алевтина (р. в 1924 г.) и сын Василий (Базил) (р. в 1925 г.) — получили хорошее образование. Они принесли в дом английский язык, австралийскую культуру, а отец учил их революционным песням своей молодости: «Вставай, подымайся, рабочий народ...». Ныне, десятилетия спустя, Базил все еще помнит эти песни, и, что самое главное, он и Алевтина унаследовали от своих родителей их щедрость (Василий умудрялся долгие годы помогать своей сестре в советской России и спас ее от голодной смерти), неприятие несправедливости и лжи, стремление к знаниям; большинство их детей закончили университеты. Сам Василий, несмотря на все обиды, принял Австралию: «Я особенно ценю то, что в этой стране люди не поступают несправедливо по отношению друг к другу», писал он в воспоминаниях, а в письме Гадалову в 1947 г. он так подытожил свой австралийский опыт: «Кто хочет честно трудиться, тот в этой стране голодный не будет». Единственное, о чем он просил Гадалова, это купить ему в Брисбене немного черной икры и селедку русского засола.[7]

[7] NAA: A1/1, 1923/27605, Strelnikoff, Vasil — Naturalization; QSA: LAN/DF 132, Atherton 2090A; В. Стрельников, Воспоминания, с. 77–81, B. Strelnikoff's archives, Mareeba; Интервью с Б. Стрельниковым (Tape 11A); Письмо Б. Стрельникова ко мне от 16.12.1997; М. Гадалов, личный архив.

Участки сыновей Николая Дмитриевича Ильина граничили с другими русскими соседями, первопоселенцами: рядом с Ромелио жила семья Балясов, а соседом Леандро был Джон Никонец. Владимир Клементьевич Баляс (1875–1944) родился в деревне на Волыни, в Западной Украине, и знал русский и польский языки. В молодости он служил в гвардии, в Москве. Память о тех временах все еще жива в его семье. «Да, это была история, когда он об этом рассказывал, — вспоминает его сын Джордж. — Все эти драгоценные камни и шашки, и как они упражнялись в фехтовании». Но эта блестящая жизнь по непонятным причинам резко оборвалась. Джордж смутно помнит рассказы отца о том, что после революции 1905 г. в гвардии нарастала поляризация, и многие, в том числе и он, покинули службу, опасаясь грядущих преследований. Владимир Баляс отправился на восток, в Харбин. С ним была его жена Алисия (ур. Босникова), медсестра по специальности, родившаяся в Одессе в 1882 г.

В апреле 1910 г. с одной из первых волн русских эмигрантов Балясы приехали в Австралию на «Кумано Мару». На том же судне плыла семья Павла Ивановича Кларка (известного в Австралии как Пол Грей), русского народовольца. За свою революционную деятельность Кларк неоднократно ссылался в Сибирь и даже был приговорен к казни, которая потом была заменена 10 годами каторги в Акатуе, откуда он бежал и в конце концов добрался до Австралии. Здесь он стал основателем первой русской колонии в Вэлламбилла. Однако Баляс не последовал за ним, а, после нескольких месяцев работы на строительстве железной дороги в Блэкбутте, предпочел двинуться на север, куда Ильины приглашали поселенцев в новую колонию. Балясы приехали туда почти одновременно с ними, в конце 1910 г., и взяли хороший участок 62 в долине на стыке дорог, которые впоследствии получили название дорога Рассела и дорога Гадалова. А в январе 1911 г. местный земельный чиновник сообщал в Брисбен о прибытии в их район неведомых дотоле русских: «За исключением Леандро Ильина они едва могут сказать пару слов по–английски. Они, однако, знают другие языки и я предлагаю, чтобы к ним применялся тест по уровню образования... Эти люди уже поселились на выбранных ими земельных участках, много сделали по их освоению и без сомнения окажутся хорошими поселенцами». Выполняя тест по грамотности Владимир Баляс умолчал о причинах его разрыва с русской гвардией и отрекомендовался как «земледелец». Он писал,

что в Австралии хочет заниматься «земледелием и скотоводством». Баляс, действительно, добился хороших результатов на своей ферме, что, вероятно, объяснялось его прежним крестьянским опытом.

Но прежде, чем это произошло, внимание квинслендских властей привлекла жена Владимира Алисия Баляс, причем настолько серьезно, что в ноябре 1911 г. из Кэрнса в Гадгарру был командирован полицейский инспектор для расследования. Дело в том, что некий русский, Ф. Кечелли, написал донос на своих соотечественников в Австралии, в котором он заявлял, конечно без всяких доказательств, что женщина по фамилии Баляс разыскивается русской полицией, поскольку она «отравила русскую женщину в Харбине, а затем сбежала из харбинской тюрьмы». Добравшись по едва проходимым тропам до фермы Балясов, инспектор сообщал: «Я убедился, что единственные русские, которые проживают в этом районе это Ильины, у которых участок в Гадгарре, и женщина по фамилии Баляс... Она живет одна на своем участке в Гадгарре, а ее муж работает на железнодорожной линии в Пирамоне, это примерно 8 миль от Гадгарры и 7 миль от Юнгабарры. Я допросил женщину Баляс в Гадгарре. Она едва говорит по–английски и ее трудно понять. Она сказала мне, что в Австралии она около одного года, что она из Одессы, что она работала около десяти лет медсестрой в Манчжурии, а ее муж пять лет был солдатом. Она производит впечатление очень странного и слегка помешанного человека».

Очевидно, после этого визита, власти решили не продолжать расследование дела этих странных русских, в то время как сами Балясы, ничего не подозревая, продолжали трудиться на своем участке. Их имя тоже попало на карту Гадгарры. На территории их фермы начинался ручей Бутчер Крик — у Джорджа до сих пор сохранились самые живые воспоминания о нем: «Когда мне было три года, я чуть в этом крике не утонул, я свалился в него и долго не мог выбраться», — то место, где Бутчер Крик пересекал дорогу Гадалова, становилось непроходимым в дождливые дни, и местные жители в 1915 г. обратились к властям с просьбой построить «мост через Крик Баляса».

Своих детей у Балясов не было и они усыновили мальчика Джорджа, родившегося в 1922 г. Местные старожилы говорят, что, возможно, в его жилах была и аборигенская кровь. Его ранние воспоминания об этих местах связаны с немым кино, которое показывали в клубе, построенном в 1920–ее гг. через дорогу от фермы Балясов. Он все бывало ходил вокруг и искал лазейку как бы попасть в зал. С тех пор кино стало его хобби, и 60 лет спустя, когда выпускники школы в Бутчерс Крик собрались на встречу, он привез свои любительские фильмы и показывал их в том самом зале, где впервые увидел кино, и таким образом «завершил полный круг длиной в 60 лет». А еще Джордж хорошо помнит свою няню–аборигенку Диану, которая пришла к ним из лагеря в Бунджи. В 1928 г. Балясы продали ферму и переехали в Маланду, а затем в Толгу, где у них была ферма с кукурузой. Когда началась вторая мировая война 19–летний Джордж добровольцем вступил в армию и сражался на Новой Гвинее. В 1944 г. он вернулся в Австралию и его часть как раз была неподалеку от дома, когда умер его отец. Джордж рассказывает: «Я похоронил его, но когда я заскочил домой, чтобы разобрать вещи, я ничего не успел сделать, так как мою часть погрузили в поезд и перебросили в Брисбен. Я не знаю, что сталось со всеми его бумагами. Вскоре и моя мать умерла, и власти дом продали».

...Ветер переворачивал страницы дневника Владимира Баляса, дневника, который он вел долгие годы, описывая жизнь Маленькой Сибири. Но кого интересовала эта пачка старых бумаг на русском языке, которые, быть может, содержали разгадку причин побега Балясов в Австралию и происхождение его приемного сына. И теперь, полвека спустя, Джордж с горечью говорит: «Это не распутанный узел. Я так и не знаю откуда я и кто я»[8]. Джордж еще немного помнит русский язык, на котором он говорил в детстве дома, и навсегда сохранил интерес к русской культуре.

Соседом Балясов был Джон Никонец (участок 60), по–русски его звали Иван, но местные называли его Ника. Он родился под Харьковом в 1884 г., в 1910 г. приехал в Австралию, как и Баляс поработал на строительстве дороги в Блэкбутте и в июне 1911 г. присоединился к русским первопоселенцам в Гадгарре. Он жил одиноко и так и не женился. Михаил Гадалов вспоминал, что русскому было трудно найти жену, потому что «местным женщинам не нравились русские мужчины из–за их грубого акцента, да к тому же они были не англосаксами, а

[8] NAA: A1; 1914/21026, Vlademir Balias — Naturalization; QSA: LAN/DF 85 Atherton 1508; QSA: file A/45328, Russians 1911–1915; The Atherton News and Barron Valley Advocate, 19 June, 14 July 1915; Интервью с Джорджем Балясом (Tape 12A–B); Сообщение Роя Фелпса, Атертон.

иностранцами». В 1921 г. Никонец продал свою ферму и покинул район, «так как сырой климат плохо сказывался на его здоровье». Дальнейшая судьба его неизвестна.[9]

Еще две русские фермы располагались по другую сторону дороги Рассела, в округе Маланды, напротив участка Ромелио Ильина. На них жили Ламин и Фадчук, люди друг на друга совсем не похожие. Владимир Николаевич Ламин (1880–1951), хоть и родился в небольшой деревне под Камышином в Саратовской губернии (еще один земляк Николая Ильина), производил впечатление человека образованного и культурного. Ничего не известно о его жизни в России и о причинах эмиграции в Австралию, куда он приехал в 1910 г. с женой Марией Ивановной (родилась в 1880 г.) из Манчжурии. Он пытался найти работу в Брисбене, затем взял участок земли в Вэлламбилла, в колонии, выросшей вокруг семьи Кларков–Греев. Там Ламины не прижились, и, оставив участок, Владимир переехал в Чиллаго, на рудники; работал он также и на рубке сахарного тростника в районе реки Малгрейв, недалеко от Маленькой Сибири. Вскоре он присоединился к русским поселенцам в лесах Гадгарры, взяв участок на углу дороги Рассела и тропы Кларка (первопроходца этих мест). Ламины поселились на своем участке в 1913 г., а вскоре холм, у подножия которого находилась их ферма, получил название Холма Ламиных (Lamins Hill). Это один из немногих русских топонимов, уцелевших до сих пор, причем широко известный, так как после расчистки лесов, окружающих Холм Ламиных, с него открылся прекрасный вид, и теперь сюда нередко приезжают туристы, посещающие плато Атертон. У Ламиных не было детей, и они усыновили мальчика Альфи (Альфреда), который попал к ним благодаря Ильиным. Флора, внучка Николая Ильина, все еще помнит перипетии этой истории. Альфи был незаконнорожденным сыном Джека Макая, мужа Ариадны Ильиной. Мать Альфи, гречанка, отказалась о него, а своенравная Ариадна тоже не хотела растить пасынка. Дело кончилось тем, что Леандро забрал у них малыша и принес к Ламиным, которые с радостью согласились его взять. Ламины продали ферму в 1924 г., но остались жить в окрестностях Атертона.[10]

Рядом с Ламиными, на тропе Кларка, жил холостяк Феликс (Филимон Алексеевич) Фадчук (1884–1932), личность живописная и вошедшая в местный фольклор. Он родился в деревне около Ковеля, в западной Украине, некоторое время работал на почте в Ковеле, а затем, в 1909 г., нелегально перешел границу с Австрией и в конце концов добрался до Аргентины. Вполне вероятно, что там, во время своих мытарств, он познакомился с Ильиными, так как в 1912 г. он последовал за ними в Австралию, и, высадившись в Кэрнсе, приехал в Атертон и взял участок земли. Как и другие русские он начал борьбу со скрэбом. Однако несколько лет спустя, когда окрестные фермеры стали получать первые надои от коров и делать сливки, Феликс стал возчиком, доставляя каждый день по едва проходимым дорогам сливки в Маланду. Он приобрел упряжку волов и, по словам местного сторожила Эдгара Шорта, «когда его английский не действовал на упряжку он переходил на русский, а то и на испанский».

Шорт оставил любопытную зарисовку отношения Феликса к местным антирусским нравам: «Феликса, русского погонщика волов, лучше было не сердить, хотя, если с ним обращались хорошо, он был вполне приятным и дружелюбным человеком. У него были высокие скулы, немного раскосые глаза и что–то азиатское в чертах лица, как это иногда бывает у восточных славян. Один из наших соседей, которого, кстати, никто не любил, терпеть не мог Феликса, и обычно в его отсутствие отзывался о нем не иначе как «этот желтый монгольский ублюдок». Однажды Феликс возвращался из Маланды с упряжкой к себе домой и повстречался с этим соседом, который, проезжая мимо и думая, что Феликс его не достанет, поприветствовал его: «Ты, желтый монгольский ублюдок, добрый день!». Сказав это, сосед пришпорил лошадь, но, как это иногда бывает, она, прежде чем поскакать, пару раз поднялась на дыбы. Феликс умел ловко управляться с длинным кнутом и был скор на руку, и пока лошадь гарцевала, он пустил кнут в дело, приговаривая: «А теперь что ты скажешь о монгольском ублюдке?» Сосед, залитый кровью, с рубашкой и кожей располосованной от плеча до пояса, драпанул, оставив вопрос без ответа». Шорт добавлял, что в России Фадчук был профессиональным борцом, «факт, который некоторые мужчины обнаруживали, когда уже было слишком поздно».[11]

Маленькая Сибирь на плато Атертон — маленький кусочек России, заброшенный в

[9] NAA: A1, 1914/3357, John Nikonets — Naturalization; QSA: LAN/DF 100, Atherton 1667; Интервью с Питером Гадаловым 1.05.1997.

[10] NAA: A441/1, 1951/13/8524, Lamin, V. N.; QSA: LAN/DF 118, Atherton 1937.

[11] NAA: A1, 1914/11108, Felemon Alexeivch Fadchuck — Naturalization; Queensland birth, death and marriage records; E.Short, The Nation Builders, Dimbulah, 1988, pp. 24–6, 32, 39, 85, 87, 109, 110, 145.

австралийские джунгли причудой судьбы. Команда из двенадцати 20–40–летних мужчин во главе со старейшим 60–летним Николаем Ильиным, из семи женщин и свыше десятка детей. Они происходили из разных социальных слоев — крестьяне, рабочие, военные, служащие, интеллигенты — и приехали туда со всех концов Российской империи от Санкт–Петербурга на севере до Екатеринослава и Ташкента на юге, от Могилева и Волыни на западе до Красноярска и Владивостока на востоке — русские, белорусы, украинцы, сибиряки. Дорога в Австралию для многих из них прошла через заключение, ссылку, побег, географически пролегая через Дальний Восток, Европу, Аргентину. Как ни тяжела была их жизнь в России, как ни враждебно было отношение к ним в Австралии из–за того, что они русские, ни один из них не предал свою русскость, их дети, даже приемные, говорили по–русски, и стали забывать язык только после смерти родителей, так как никто из них не нашел пути к новой волне русских иммигрантов, так называемым «белым русским», которые стали прибывать в Австралию в начале 1920–х годов.

... Мы сидели на ржавой цистерне во дворе фермы Билла Хоменко. Его натруженные руки лежали на коленях, босые ноги крепко стояли на земле. И его австралийский сленг, и потертая широкополая шляпа делали его настоящим австралийским бушменом, но мне он казался до боли знакомым, как раз таких стариков я встречала в наших деревнях, когда ходила по дорогам Белоруссии, собирая материалы о своих предках. Даже двор фермы — лошади, спокойно стоящие у «плота», сделанного из жердей, и старый сарай, из–под дверей которого то и дело появлялась мышка, занятая своими мышиными делами, и земля, раскисшая после недавнего дождя — все казалось до странности знакомым и родным. Все, кроме гофрированного железа... А Билл вел меня в прошлое, в то время, когда на соседней ферме жил молодой Леандро Ильин — «Этот скрэб вон там, это был его, Леандро. Тут и забора нет между участками, граница так и шла по скрэбу до самой Кэрнской тропы», — в то время, когда босоногие русские ребятишки верхом на неказистых лошадках скакали по дороге Гадалова в школу, а сам Билл со своим младшим братом Джоном играл на берегах Карибу Крик, который сейчас, как и 80 лет назад, тихо струил свои воды к океану. Мы были среди останков Маленькой Сибири, и Билл Хоменко был ее последним могиканином. Казалось, что туманные холмы за его спиной, очищенные от скрэба, были единственным материальным свидетельством о трех десятках русских, когда–то покоривших эту землю. Но не могли же те надежды и отчаяние, с которыми они осваивали ее, пот и слезы, которые они проливали на ней, любовь и боль, что они испытали на этой земле, исчезнуть без всякого следа? Нет, невидимые, они были здесь, составляя русский слой в богатой истории этой земли, русский слой, пришедшийся между аборигенским и австралийским. И отсюда по всему миру тянулись нити русских судеб. Прохоровых и Иванова они привели обратно в Россию, некоторых Ильиных — в Гондурас и США, и всех остальных, включая семью Леандро Ильина — в разные концы Австралии.

Когда мы уезжали, Билл с истинно русской — а быть может бушменско–австралийской? — щедростью насыпал нам целое ведро сладких танжеринов... ■

Автор с Биллом Хоменко, 1996 г.

Продолжение следует